

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р62

Художественное оформление *А. Рысухиной*

Идея коллажа на обложке *Е. Бухтеевой*

Во вклейке использованы фотографии:

© Юрий Иванов, Лев Иванов / РИА Новости
в оформлении вклейки использованы иллюстрации:
Yoko Design, Tish11, SAHAS2015 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована фотография:

© Roman Samokhin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рождественская, Екатерина Робертовна.

Р62 Балкон на Кутузовском / Екатерина Рождественская. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.: 16 с. фото.

ISBN 978-5-04-109609-0

Адрес — это маленькая жизнь. Ограниченная не только географией и временем, но и любимыми вещами, видом из окна во двор, милыми домашними запахами и звуками, присущими только этому месту, но главное, родными, этот дом наполняющими.

Перед вами новый роман про мой следующий адрес — Кутузовский, 17 и про памятное для многих время — шестидесятые годы. Он про детство, про бабушек, Полю и Лиду, про родителей, которые всегда в отъезде и про нелюбимую школу. Когда родителей нет, я сплю в папкином кабинете, мне там всё нравится — и портрет Хемингуэя на стене, и модная мебель, и полосатые паласы и полки с книгами. Когда они, наконец, приезжают, у них всегда гости, которых я не люблю — они пьют портвейн, съедают всё, что готовили бабушки, постоянно курят, спорят и читают стихи. Скучно....

Это попытка погружения в шестидесятые, в ту милую реальность, когда все было проще, человечнее, добрее и понятнее.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рождественская Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109609-0

«Здравствуйте, родные мои, мама, папа!
Получили ли вы мое письмо? Наверное, получили. Но ваш ответ, очевидно, не застанет нас с Аленкой в Москве – сегодня мы уезжаем на юг. Надо за несколько лет отдохнуть. Правда, не знаю, как будет с погодой, уж больно разноречивые о ней отзывы. Одни приезжают и говорят: «В Крыму холодно, на Кавказе жарко», – другие: «В Крыму жарко, на Кавказе холодно», – третьи: «В Крыму и на Кавказе холодно»/ Самое обидное, что нет таких, которые говорят, что и в Крыму, и на Кавказе жарко. Но это надо проверить. Хочется к морю.

Как вы там строитесь? В каком состоянии дом? Напишите мне, если что-то надо будет достать из стройматериалов, обращусь в Союз писателей. Надеюсь, помогут.

Едем мы дней на 20, если погода не выльет раньше. Мне надо быть в Москве 12–13 мая, начинается киргизская декада, а я за этот год сделался почетным киргизом, ведь перевел на русский почти всех киргизских поэтов.

Если не отменяют, то слушайте 25 апреля в 21.15 по первой программе мою передачу «Ровеснику». Мурыжили ее долго, все чего-то опасались и, наконец, решили пустить в эфир. Читает В. Лановой (киноактер, он играет Корганна в «Как закалялась сталь»). Музыку снова написал Фляр, композитор Александр Флярковский, вы помните.

Крепко всех целую,

Роберт».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Адрес — это целая жизнь, ограниченная временем, номером квартиры, дома и названием улицы. Это часть тебя, иногда большая, иногда невзрачная, но все равно часть твоей памяти. Я и решила разделить свою жизнь на адреса. Мне так легче вспоминать.

Начались мои адреса с коммунального подвала в одном большом круглом дворе, где я родилась однажды летом. Но об этом уже написано в книге «Двор на Поварской». Длиннющий коридор с вечным запахом жареного лука, замызганные окна (как их ни мой) ниже уровня земли, неясное бурчание соседей за стеной, один телефон на всех с привязанным к нему карандашом и зеленая занавеска в горошек, перегородаживающая и без того крохотную комнатку. Семь ступенек из темноты вверх на волю, к солнцу, на уровень земли. Вот такой он, родной подвал, который продержал меня в себе первые четыре года с самого рождения.

Памятник Льву Толстому во дворе. Черный, сердитый, насупленный гигант, придавленный огромной бронзовой книгой. На его плечах и голове вечно гадающие голуби. Толстой был моим детским кошмаром. «Вот не будешь спать, придет наш Лев Никола-

ич...», — говорила прабабушка Поля. И я себе начинала это представлять, как встает, гремя и поскрипывая, бронзовый Толстой, откладывает книгу и тяжело (старенький ведь уже) спрыгивает с постамента, отчего в районе начинается довольно заметное землетрясение... И никого в детстве я так так сильно не боялась, как великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. А как результат тех детских страхов — нелюбовь к этому великому и ужасному.

Напротив моего первого двора — детская площадка с огромной песочницей, где постоянно справляла нужду белая болонка с неправильным прикусом, и сколько хозяйку ни просили держаться от песочницы подальше — нет: «Сарочка у меня умница, она тут привыкла!» Сарочка — болонка, вы поняли.

Но потом папа, как молодой и подающий надежды советский поэт, выцыганил, наконец, отдельную квартиру, и мы переехали от Толстого с Сарочкой на Кутузовский проспект, в новый кирпичный дом, который много лет спустя назовут «хрущевкой улучшенного типа». С этого адреса — Кутузовский проспект, д. 17, кв. 119, что стоял напротив Дома игрушки, — начинается моя вторая жизнь, сначала детсадовская, потом школьная.

Что интересно, родителей в этой квартирке я почти не помню. Оно и понятно — им по тридцать, они молоды и уже известны, самое время ездить, накапливать страны, впечатления, друзей и врагов. А я всегда дома с Лидой и Полей, живыми и осязаемыми, нежными и теплыми бабушкой и прабабушкой, моими ангелами-хранителями. Родители в то затертое вре-

мя — как яркие вспышки праздника, захватывающий дух фейерверк. Вот они радостно трезвонят в дверь — мы уже знаем, что это именно они, — и вваливаются в прихожую с багажом. Смех, крики, иногда и слезы, причитания, радость. На кухне уже накрыт стол, все их любимое — жареная картошечка, тушеное мясо или навага, лепешки, селедка, домашние соленые огурчики, а бабушки для себя ставят бутылочку кагора, чтобы успокоиться. А потом я залезаю в выпотрошенный чемодан и вдыхаю неведомо-ментоловый запах жвачки, рассматриваю остатки каких-то блестящих фантиков и с удивлением кручу в руках пакетик с одноразовым аэрофлотовским сахаром — надо же, как придумали... Да, и старательно складываю целлофановые пакетики отдельно — это большая ценность по тем временам. А родители все рассказывают и рассказывают, где были, что видели, как их принимали, с кем встречались. Под эти истории я и засыпаю в чемодане на вещах, так пахнущих папкой и мамкой. Ну, и жвачкой, конечно, тоже.

И деревья во дворе того дома на Кутузовском оставались для меня пока еще огромными-преогромными, сплошные сказочные баобабы, хоть я баобабов и в глаза никогда не видела. На деле они оказывались просто взрослыми липами и тополями, но поскольку детство — это всегда сказка, то и деревья были волшебными. Сказочные магазинчики-дворцы за углом со знакомыми продавщицами-колдуньями, оставляющими самый редкий «дефицит». Чудесные врачиволшебники, приходившие ко мне, вечно больной, по первому зову, старенькие, знающие, ставшие родней.

Тенистые магические беседки поодаль от подъезда, окруженные высоченными кустами золотых шаров и скрывающие парочки влюбленных, которые там уединялись. Но от нас-то, детей, особо не скроешься, как ни старайся... Зарытые под стеклышко «секретики», игра в классики и даже увлекательный сбор макулатуры — все это там, на этом сказочном адресе.

А еще почти каждый адрес отнимал родных и любимых. Они таяли со временем и оставались там, на прошлых адресах, жила только память о них. Вот и прабаба Поля ушла, когда мы были на Кутузовском.

И все равно этот адрес — самый беззаботный для меня, самый спокойный и теплый, крепкая опора для всего того, что мне предстояло испытать в жизни, «подушка безопасности», основа, заложенная удивительными родителями и двумя прекрасными, яркими и нежными душами — прабабушкой Полей и бабушкой Лидой.

Когда холодно и страшно, я мысленно возвращаюсь туда, в серый невзрачный дом на Кутузовском, 17. Сейчас номер поменяли, и он уже номер 9. Захожу в подъезд, оглядываясь (я ж трусиха), поднимаюсь по ступенькам к лифту и медленно еду в старой, того времени, поскрипывающей кабине на шестой этаж. Железная дверь, охая, хлопает, я делаю неловкий шаг налево, к нашей двери, обитой коричневым дерматином с клочком ваты, который торчит около ручки. Толкаю дверь — у нас днем не было заперто — и вхожу туда, в детство.

Радиостанция «Маяк» поет что-то знакомое высокими пионерскими голосами, по-моему, вот это: «То

березка, то рябина, куст ракиты над рекой, край родной, навек любимый, где найдешь еще такой...» Пахнет уютом, покоем, свежей нарезанной зеленью для супа и жареными гренками.

— Козочка моя, солнышко, — слышу ласковый и немного усталый голос бабушки Поли, — иди скорей, я тебе бульончика налью! Тебе с вермишелью или с клецками?

И вижу ее, невысокую, чуть полноватую, в цветастом платье и фартуке с большим карманом спереди, улыбочивую, зачесывающую седые пряди большим полукруглым гребнем и поправляющую очки, чтобы меня получше разглядеть.

— Крохотка моя, ласточка, — звонкий поцелуй в макушку и легкое похлопывание по спине... — Иди, садись.

И я сажусь. И я успокаиваюсь.

Прабабушке моей, Поле, я и решила посвятить эту книгу.

«Дорогие наши родные, Вера Павловна и Иван Иванович!

Не верю, что мы, наконец, едем отдыхать! Едем в Коктебель, затем на Кавказ. Всего недели на три. Надомо, конечно, но Роберту надо отдохнуть, очень много последнее время работал. Оставляем Катерину нашим. Малко и их, и ее, но надо прийти в себя и нам. Через пару часов летим! Я лечу в первый раз, будем надеяться, что все обойдется!

Всем большой привет!

Алена».

Все шло к тому, что в течение двух-трех месяцев надо было переехать на новую квартиру. С одной стороны, семье молодого поэта Роберта Крещенского пора было уже выбираться из коммунального подвала и жить своей самостоятельной жизнью, а с другой — двор на Поварской совершенно не собирался отпускать.

Весна началась рано, забурела сугробами, засвистела птицами, затеплила солнышком, затаяла сосульками, а самое главное, запустила нашего советского человека в космос!

«Говорит Москва! Говорит Москва! — хрипели радиодинамики из подвальных окон. — Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение! Передаем сообщение ТАСС. Сегодня, 12 апреля 1961 года, в 10 часов 23 минуты по московскому времени в Советском Союзе осуществлен первый в мире полет человека в космос...» Слова эти торжественные слушали во дворе всем скопом — и древние Поля с Мартой, самые что ни на есть местные старожилы, и важные солидные мужчины в шляпах и костюмах, а такие во дворе тоже водились, и бабы, и незрелая молодежь, и совсем мел-

кие пацанята, державшиеся пока за мамкины юбки, и каждый сдерживал от волнения дыхание, словно вздохни все разом поглубже и более явственнно, Юрий Гагарин от неожиданности мог бы как-то неловко крутануть руль и сбиться с орбиты. И все соседи хором сразу загордились услышав эту прекрасную новость, что да, мол, мы, советские люди, такие, первые всегда и во всем — и в спорте, и в балете, а теперь уже и в космос шагнули, утерли нос капиталистам! Мужики долго еще потом собирались на лавках во дворе, хотя было им это несвойственно, дымили папиросами и улыбались, распираемые радостью, что довелось им родиться и жить в такой великой прекрасной стране. Дети тоже времени даром не теряли — напялили ведра на головы, оседлали метлы и швабры, решив, что стали очень похожими на космонавтов, вроде как в шлемах и верхом на ракетах, и принялись бегать по круглому двору как по земной орбите, в центре которого солнышком восседал памятник Толстому.

За весну и начало лета появилось много прекрасных песен про космос, совсем новое слово это быстро и прочно вошло в обиход и стало хоть и обыденным, но с привкусом праздничности. Особенно часто звучал гимн космонавтов:

Я верю, друзья,
Караваны ракет,
Помчат нас вперед,
От звезды до звезды.
На пыльных тропинках
Далеких планет

Останутся наши следы.
На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы!

Ее стал жалобно тянуть по вечерам даже Юрка-милиционер, который, выпив пару стаканов портвейна, запевал, икая и побрякивая, о пыльных дорожках и следах, которые он обязательно где-нибудь оставит.

Вот заколосилось и лето, погода установилась сразу жаркая, причем с самого начала июня, а к июлю во дворе цвело уже все, что хоть как-то могло показать, на что способно — даже астры около окон Печенкиных вылезли раньше времени и растопырились вдоль стены своими лиловыми и светло-малиновыми ежиками. Хоть рано им было, астрам-то. Золотые шары выросли в свой могучий двухметровый рост и увенчались веселыми желтыми шапками. Цвели и пахли чайные розы, старая Марта была по ним большим спецом, подкармливала, подрезала, разговаривала, они и отзывались всеми силами своей колючей чайно-розовой души. Волшебного запаха этих нескольких кустов хватало на весь двор и каждую семью в нем, еще и оставалось на улицу за забором — Поварскую и угол Садовой. Невероятно нежно и сладко уже начало пахнуть сразу, как делалось несколько шагов от старой обувной мастерской на углу Садового и дальше вниз по улице. Да и китайка в это лето обсыпала красными яблочками сверх меры все свои ветви, пригнула их долу, расцветив сад до невозможности